Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 500–527
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-500-527
EDN: DTTXAQ

Научная статья / Research article

«Зоны исключения» как плацдарм для вмешательства во внутренние дела суверенных государств: пример американской базы Гуантанамо

О.А. Кузнецова, А.С. Холоимова, Л.Р. Клебанов, М.М. Маджумаев ✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉madzhumaev-mm@rudn.ru

Аннотация. В современной архитектуре международных отношений наблюдаются качественно новые угрозы государственному суверенитету, к числу которых относятся так называемые «зоны исключения»: территориально обособленные участки, которые находятся на территории одного государства, но представляют военно-политические интересы другого государства. Олицетворением такой зоны исключения является база ВМС США Гуантанамо, располагающаяся на территории Кубы. Актуальность данного исследования продиктована институционализацией этих экстерриториальных анклавов, которые эволюционировали из военной инфраструктуры в активные инструменты влияния на независимые государства и превратились в плацдармы не только для точечных специальных операций против неугодных лидеров независимых стран, но и полномасштабного военного вторжения. Такие «зоны исключения» находятся фактически не только вне юрисдикции государств, территорию которых они занимают, но и вне каких-либо рамок международного права. На территории базы Гуантанамо находится тюрьма для лиц, подозреваемых в террористической деятельности. Содержащиеся там заключенные подверглись «исключению» из числа субъектов права (утратили правосубъектность), что выразилось в бесчеловечном обращении с ними и изощренных пытках. Цель исследования — введение в научный оборот определения понятия «зон исключения» и выявление специфики таких зон на примере базы Гуантанамо, которая прошла качественную трансформацию от традиционного военного гарнизона к «зоне влияния» США в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна и за его пределами. Рассмотрены основные этапы становления базы и та функциональная роль, которую она играет в качестве плацдарма напряженности и орудия гибридной войны. Методологическую основу исследования составили классический политический реализм Г. Моргентау, структурный реализм К. Уолтца, структурно-функциональный подход и постструктуралистская политическая философия (М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Мбембе). В ходе исследования также применялся проблемно-хронологический подход. Научная новизна исследования заключается в обосновании неразрывной связи между существованием таких «зон исключения», включая специализированные закрытые секретные учреждения экстерриториального характера, и легитимацией актов «силового правосудия» в интересах США и прямой военной агрессии. В результате исследования выявлен правовой механизм создания «зон исключения» и установлено, что их фундаментом служит теория «расщепленного суверенитета», создающая искусственные правовые вакуумы для систематических нарушений принципов международного права со стороны отдельных влиятельных акторов. В качестве реагирования на этот вызов сформулированы подходы адекватного ответа стран Глобального Юга, предполагающие отказ от пассивного наблюдения в пользу денонсации кабальных соглашений на основе доктрины коренного изменения обстоятельств (*rebus sic stantibus*), формирование блокирующей международной нормативно-правовой основы против односторонних санкций и создание альтернативных судебных механизмов в рамках многополярных институтов.

© Кузнецова О.А., Холоимова А.С., Клебанов Л.Р., Маджумаев М.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: внешнее вмешательство, расщепленный суверенитет, экстерриториальная юрисдикция, государственный суверенитет, гибридная война, неоколониализм, международное право, безопасность, многополярность

Сведения о финансировании. Статья подготовлена в рамках темы № 210506-0-000 «Передовые технологии молекулярной морфологии, пространственного фенотипирования и искусственного интеллекта при доказывании в уголовном судопроизводстве», поддержанной Мегагрантом РУДН 2025 года (код конкурса U.4-2025).

Вклад авторов. Кузнецова О.А.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение исследования, сбор и обработка данных. Холоимова А.С.: проведение исследования, сбор и обработка данных, курирование данных, подготовка черновика рукописи. Клебанов Л.Р.: научное руководство исследованием, проведение исследования, сбор и обработка данных, анализ и систематизация информации. Маджумаев М.М.: проведение исследования, сбор и обработка данных, подготовка рукописи, работа с программным обеспечением. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Кузнецова О. А., Холоимова А. С., Клебанов Л. Р., Маджумаев М. М.* «Зоны исключения» как плацдарм для вмешательства во внутренние дела суверенных государств: пример американской базы Гуантанамо // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 500–527. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-500-527; EDN: DTTXAQ

“Exclusion Zones” as a Springboard for Interference in the Internal Affairs of Sovereign States: The Case of the US Guantanamo Bay Base

Olga A. Kuznetsova, Alexandra S. Kholoimova, Lev R. Klebanov, Murad M. Madzhumayev✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉madzhumaev-mm@rudn.ru

Abstract. The contemporary architecture of international relations is witnessing new challenges to state sovereignty, notably the emergence of so-called “exclusion zones”: geographically demarcated enclaves located within the borders of a state but operating exclusively to serve the military and political interests of another. The United States Naval Base at Guantanamo Bay, situated on Cuban territory, serves as the quintessential embodiment of such an exclusion zone. The relevance of this study is underscored by the progressive institutionalization of these extraterritorial enclaves, which have evolved beyond conventional military infrastructure into active instruments for projecting influence over independent states; they have transformed into staging grounds not only for targeted covert operations against dissenting foreign leaders, but also for full-scale military invasions. Crucially, these “exclusion zones” operate in a state of factual impunity, existing entirely outside the jurisdictional reach of their host states and beyond the constraints of international law. The Guantanamo Bay base houses a detention facility specifically for individuals suspected of terrorist activities. The detainees held within this facility have been subjected to a radical legal “exclusion” — a systemic deprivation of their status as subjects of law — which has facilitated inhumane treatment and sophisticated methods of torture. The primary objective of this research is to introduce a rigorous definition of “exclusion zones” into academic discourse and to elucidate their specific characteristics using Guantanamo Bay as a case study, tracing its qualitative transformation from a traditional military garrison into a broader US “zone of influence” spanning Latin America, the Caribbean, and beyond. The article examines the key historical stages of the base’s formation and analyzes its ongoing functional role as a catalyst for geopolitical tension and an instrument of hybrid warfare. The methodological framework integrates Hans J. Morgenthau’s classical political realism, Kenneth Waltz’s structural realism, a structural-functional approach, and post-structuralist political philosophy (M. Foucault, G. Agamben, A. Mbembe), accompanied by a problem-chronological approach. The scientific novelty of the study lies in establishing the inextricable link between the proliferation of these “exclusion zones”, including highly classified extraterritorial detention facilities, and the legitimization of acts of “coercive justice” and direct military aggression serving US strategic interests. The findings reveal the legal mechanisms underpinning the establishment of “exclusion

zones", determining that their foundation rests upon the theory of "split sovereignty", which deliberately generates artificial legal vacuums enabling powerful international actors to systematically violate fundamental principles of international law. To counter this challenge, the study formulates strategic responses for the Global South, advocating a decisive shift away from passive observation in favor of denouncing exploitative bilateral agreements under the doctrine of a fundamental change of circumstances (rebus sic stantibus), developing a blocking international legal framework against unilateral sanctions, and establishing alternative judicial mechanisms within emerging multipolar institutions.

Key words: external interference, split sovereignty, extraterritorial jurisdiction, state sovereignty, hybrid warfare, neocolonialism, international law, security, multipolarity

Funding sources. This research was prepared within the framework of project No. 210506-0-000, "Advanced technologies of molecular morphology, spatial phenotyping, and artificial intelligence in criminal evidence proceedings," supported by the 2025 RUDN University Megagrant (competition code U.4-2025).

Authors' contributions. O.A. Kuznetsova: conceptualization, development of research methodology, conducting research, data collection and processing. A.S. Kholoimova: conducting research, data collection and processing, data curation, writing—manuscript draft preparation. L.R. Klebanov: academic supervision, conducting research, data collection and processing, information analysis and systematization. M.M. Madzhumayev: conducting research, data collection and processing, manuscript preparation, software operation. All authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kuznetsova, O. A., Kholoimova, A. S., Klebanov, L. R., & Madzhumayev, M. M. (2026). "Exclusion zones" as a springboard for interference in the internal affairs of sovereign states: The case of the US Guantanamo Bay base. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 500–527. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-500-527; EDN: DTTXAQ

Введение

Современная архитектура международных отношений, основанная на принципах Вестфальского мира и закрепленная в Уставе Организации Объединенных Наций (ООН), в настоящее время проходит через этап глубокой структурной трансформации (Каширина, 2020, с. 28). Этот процесс представляет собой не просто очередную смену циклов гегемонии или перераспределение сфер влияния, а фундаментальное преобразование самой природы власти в глобальном масштабе. Страны коллективного Запада продолжают формулировать и навязывать свою собственную интерпретацию развития миросистемы, не допуская иного видения ситуации, иных трендов, «вызреваемых» и объективируемых в XXI в. (Панкратов, Клиньшанс, 2023, с. 232). Так, одним из ресурсов противодействия трансформации однополярного мира к многополярному выступает использование технологии «геополитики восприятия», определяемой как господствующий дискурс, «вырабатываемый доминирующими державами и навязывающий всему остальному миру безальтернативную модель мироустройства в качестве представления о существе и значении мирополитических процессов, а также собственного места в мире» (Панкратов, Клиньшанс, 2023, с. 232).

Логическим продолжением данной дискурсивной стратегии противодействия трансформации глобальной архитектуры от однополярности к многополярности на институциональном уровне выступают воспроизводство и легитимация асимметрии суверенного статуса. Если «геополитика восприятия» формирует концептуальную рамку неравенства, то асимметрия суверенитета закрепляет ее в политико-правовой реальности. В рамках данной парадигмы субъекты международных отношений дифференцируются на государства, обладающие полнотой суверенитета, и акторов, чей суверенитет носит сугубо декларативный характер. Прикладным воплощением этого разрыва становятся «зоны исключения», составляющие предмет данного исследования. Они представляют собой пространственную объективацию указанной асимметрии: географическую локализацию дефицита властных полно-

мочий, дистанцирующую государство-гегемон от субъектов, которые, сохраняя формально-юридическое равенство по Уставу ООН, фактически ограничены в реализации исключительной юрисдикции над собственной территорией.

Со стороны ведущих западных держав прослеживаются попытки систематического демонтажа принципа государственного суверенитета, который столетиями служил единственной — пусть и несовершенной — гарантией против произвола сильных государств. В эпоху классического колониализма отрицание суверенитета «нецивилизованных» народов было открытым и непреложным, однако по мере слома колониальной системы в результате появления государств социалистического блока и национально-освободительной борьбы за независимость появились «стандарты цивилизаций», которые сопряжены с формулировкой критериев признания/непризнания той или иной страны равноправным членом международного общества (Миронов, 2017, с. 359). Такие «стандарты», по сути, являются закамуфлированным средством, применяемым западными странами для сохранения своего господства над территориями бывших колоний. В свою очередь, эти «стандарты» включают самые разнообразные практики контроля, одной из которых является создание так называемых «зон исключения».

Актуальность исследования данной проблемы обусловлена тем, что подобные зоны перестали быть локальными аномалиями, характерными лишь для периодов военных конфликтов. Традиционные войны уступают место сложным гибридным противостояниям, где силовые операции сочетаются с экономическим давлением, информационными кампаниями и политическими манипуляциями, в том числе через использование подконтрольных (марионеточных) фигур и структур. Сегодня это системный инструмент внешней политики, применяемый для проецирования силы, устранения конкурентов и удержания контроля над стратегически важными регионами. «Зоны исключения» могут принимать различные формы и иметь разную структуру. Их объединяет общая логика: создание правового вакуума, в котором воля внешнего актора подменяет любой закон, за исключением того, который помогает достигать своих целей. Важно отметить, что данная практика является не спонтанной реакцией на угрозы, а продуманной стратегией, уходящей корнями в колониальное прошлое и адаптированной к современным реалиям. Концепции, ранее применявшиеся для управления зависимыми территориями, сегодня возрождаются в форме экстерриториальной юрисдикции и избирательного (не)применения норм международного права.

Цель исследования — определение политико-правового содержания категории «зона исключения» посредством ее теоретической демаркации от смежных понятий, а также выявление функциональной роли военно-морской базы США в Гуантанамо на различных этапах ее функционирования.

Достижение поставленной цели обусловило необходимость решения следующих задач:

– сформулировать доктринальное определение «зоны исключения» и выделить комплекс критериев, дифференцирующих ее от иных политико-пространственных режимов;

– установить этапы институциональной трансформации базы в Гуантанамо с определением ее стратегического назначения на каждом из них;

– оценить применимость международно-правовых механизмов, доступных государствам для защиты своего суверенитета в условиях размещения на их территории подобных экстерриториальных анклавов.

Архитектоника исследования подчинена логике решения перечисленных задач.

Источниковая база исследования формируется из ряда взаимодополняющих видов документов.

Первую группу составляют материалы рассекреченного фонда Архива национальной безопасности США (*National Security Archive*, Университет Джорджа Вашингтона), включая документы проекта «Куба» (*Cuba Project*, операция «Мангуст») и меморандум Объединенного комитета начальников штабов «Обоснование военного вмешательства США на Кубе»

от 13 марта 1962 г., известных под кодовым обозначением «Нортвудс»[1]. Документы рассекречены и введены в оборот на основании Закона о свободе информации (*Freedom of Information Act*, FOIA), принятого в 1966 г. и вступившего в силу в 1967 г.[2], а также в рамках проекта архива по кубинскому направлению[3].

Вторую группу образуют советские и российские архивные материалы об операции «Анадырь», частично опубликованные и введенные в научный оборот С.В. Каракаевым (Каракаев, 2013).

Третью группу составляют нормативно-правовые документы и материалы судебной практики: соглашение об аренде земель под угольные и морские станции от 16/23 февраля 1903 г.[4], дополнительное соглашение об аренде от 2 июля 1903 г.[5], кубино-американские договоры об отношениях 1903 и 1934 гг.[6], «поправка Платта»[7], Национальный закон об оборонных ассигнованиях США 1961 г. (*National Defense Authorization Act*, NDAA)[8], а также консультативное заключение Международного суда ООН 2019 г. по вопросу об отделении архипелага Чагос[9] и резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/295[10].

Методология исследования

Концептуальной основой для понимания мотивов создания «зон исключения» служит классический политический реализм. Несмотря на постоянные оговорки Г. Моргентау относительно необходимости соотнесения политики с этикой, политический реализм в его понимании — это прежде всего политика силы, проводимая исключительно в собственных интересах: «Цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой» (Morgenthau, 1949, p. 440). Под национальным интересом он понимает государственный интерес, а не интерес нации. В пределе эта концепция нацеливает политического актора на стремление подчинения себе возможно большего политического пространства (Шабага, 2015, с. 29). В случае политической

[1] Chairman, Joint Chiefs of Staff. Memorandum to the Secretary of Defense "Justification for US Military Intervention in Cuba", 13 March 1962 // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/CMC-60/joint-chiefs-pretexts-to-invade-Cuba-1962 (accessed: 24.06.2026).

[2] Public Information Act of 1966, 5 U.S.C. § 552 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-80/pdf/STATUTE-80-Pg250.pdf (accessed: 24.06.2026).

[3] The Cuba Project // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/project/cuba-project (accessed: 24.06.2026).

[4] Agreement Between the United States and Cuba for the Lease (Subject to Terms to be Agreed upon by the Two Governments) to the United States of Lands in Cuba for Coaling and Naval Stations, February 16/23, 1903 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historical-documents/frus1903/d331 (accessed: 24.06.2026).

[5] Lease to the United States by the Government of Cuba of Certain Areas of Land and Water for Naval or Coaling Stations in Guantanamo and Bahia Honda, July 2, 1903 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1903/d332 (accessed: 24.08.2026).

[6] См.: Naval Station Guantanamo Bay: History and Legal Issues Regarding Its Lease Agreements // Congressional Research Service. URL: https://www.congress.gov/crs-product/R44137 (accessed: 24.06.2026); Treaty Between the United States of America and Cuba, Signed at Washington, May 29, 1934 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1934v05/d170 (accessed: 24.06.2026).

[7] Treaty Between the United States and the Republic of Cuba Embodying the Provisions Defining Their Future Relations as Contained in the Act of Congress Approved, March 2, 1901; 5/22/1903; Perfected Treaties, 1778–1945; General Records of the United States Government, Record Group 11; National Archives Building, Washington, DC // U.S. National Archives and Records Administration. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/platt-amendment (accessed: 24.06.2026).

[8] An Act to Authorize Appropriations for Aircraft, Missiles, and Naval Vessels for the Armed Forces, and for Other Purposes, June 21, 1961 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-75/pdf/STATUTE-75-Pg94-2.pdf (accessed: 24.06.2026).

[9] Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965. Advisory Opinion of 25 February 2019. P. 95 // International Court of Justice. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/169/169-20190225-ADV-01-00-EN.pdf (accessed: 24.06.2026).

[10] Resolution A/RES/73/295 Adopted by the General Assembly on 22 May 2019 "Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965" // United Nations. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/73/295 (accessed: 24.06.2026).

слабости (абсолютной или относительной) политический реализм указывает на путь приспособления к обстоятельствам с целью достижения самого желаемого из возможного (Шабага, 2015, с. 29). Вместе с тем для осуществления подобного силового вмешательства необходимы стратегические опорные плацдармы. «Зоны исключения» вполне удовлетворяют этому запросу, поскольку создание экстерриториального анклава видится рациональным способом обеспечения национальных интересов при минимальных издержках.

Системный характер и закономерности устойчивого воспроизводства данных зон во многом детерминированы логикой неореализма (структурного реализма), концептуализированной К. Уолтцем (Waltz, 1979). Он полагал, что структуры, определяющие состояние и развитие международной системы, могут различаться по потенциалу (силе), функциям (назначению) и организованности (негэнтропийности) (Waltz, 1979; Шабага, 2015, с. 29). Самой важной структурной характеристикой К. Уолтц считал силу, но придавал большое значение не только ее военной, но и финансовой, экономической и другим составляющим (Waltz, 1979; Шабага, 2015, с. 29). На макроуровне межгосударственных отношений этот теоретический аппарат позволяет характеризовать «зоны исключения» как инструмент структурного влияния, с помощью которого великая держава обеспечивает свое присутствие через экстерриториальные анклавы, избегая издержек прямой аннексии и формально соблюдая принцип суверенного равенства. При этом на институциональном уровне структурно-функциональный подход позволяет рассматривать подобные зоны не как единичные отклонения от нормы, а как элементы более широкой системы проецирования силы, выполняющие военные, разведывательные, правовые и политические функции.

Политико-правовое измерение человеческого существования внутри «зоны исключения» и механизмы осуществляемого над ним властного воздействия позволяет осмыслить постструктуралистская политическая философия. Отправной точкой для такого анализа выступает разработанная М. Фуко теория «биовласти» (биополитика). Классическая биополитика («биовласть» и «биоистория»), по мнению М. Фуко, фокусируется на управлении жизненными процессами населения (сбережении, регулировании рождаемости) ради усиления государства (Foucault, 2004, pp. 239–242). М. Фуко определяет биополитику как попытку «рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство…» и подчеркивает далее, что эти проблемы «неотделимы от рамок политической рациональности» (Foucault, 2008, p. 317). То есть биополитика — это прежде всего процесс, действие, нацеленное на управление населением и сопряженное с реализацией конкретной политической идеи (Аласания, 2018, с. 71). Биополитика, понятая таким образом, оказывается формой существования самой власти (фактически биовласти) (Аласания, 2018, с. 71). В этом подходе власть определяется не как карающий меч, а как механизм оптимизации витальных ресурсов в интересах государственного организма (Foucault, 2004). Однако экспансия биовласти не влечет за собой автоматическую отмену суверенной прерогативы государства на насилие; напротив, происходит глубокая функциональная трансформация этой прерогативы. Классическое право суверена «лишать жизни или оставлять в живых» перерождается в технологию «позволять умирать» (*laisser mourir*). В условиях «зоны исключения» эта установка материализуется в практике системного отчуждения субъекта от правовой защиты, медицинского обеспечения и социальных коммуникаций. Таким образом, биополитика реализуется через создание условий, в которых человеческая жизнь, оставаясь биологически сохранной, выводится за пределы политического и правового существования.

Антиподом биополитики представляется некрополитика. Так, Д.В. Попов на основе работ Ахилла Мбембе понимает под некрополитикой предельное выражение негантропной

(человекоотрицающей) биополитики (Попов, 2019, с. 91). Некрополитика редуцирует биополитику не просто к контролю над послушным телом, а к тотальному подчинению под непосредственной и зримой угрозой смерти (Попов, 2019, с. 91). Некрополитика в трактовке А. Мбембе может рассматриваться как право диктовать условия, при которых субъект может быть подвергнут уничтожению или переведен в бесправное состояние (Mbembe, 2003, pp. 16–25; Голофаст, 2021, с. 253). Иными словами, речь идет об абсолютной власти над субъектом, что выражается и в способности обрекать его на существование в режиме «живого мертвеца». «Зоны исключения», будь то спецобъекты в заливе Гуантанамо, секретные тюрьмы или «серые зоны» конфликтов, являются материальным воплощением некрополитической власти. Они создаются для реализации «права сильного» на применение в отношении «слабого» различных форм насилия, не сковывая себя рамками национального или международного права. Внутри периметра базы в отношении содержащихся в тюрьме лиц перестают действовать какие-либо механизмы защиты прав человека. Человек (как правило, граждане иностранных государств) остается один на один с военно-репрессивной машиной, обрекающей его на пытки и готовой уничтожить его в любой момент.

Состояние подобного абсолютного бесправия, когда физическое выживание субъекта сопровождается полным аннулированием его правового статуса, тесно связано с понятием «социальной смерти». Социальная смерть — это состояние людей, не признанных обществом в полной мере людьми. Иными словами, это процесс и результат самоустранения и/или исключения социального субъекта из жизни социума. Главными признаками социальной смерти являются потеря свободы как необходимого условия для самореализации; потеря социальной идентичности, которая ведет к невозможности самоопределения; отрицание личностью общепринятых норм и ценностей; осознанный отказ от взаимодействия в сфере общественной жизни. Это состояние было впервые описано социологом О. Паттерсоном при исследовании институтов рабства для описания положения раба: раб, будучи физически живым, социально был мертв (лишен имени, родственных связей (Garcia, 2025, p. 472), чести и прав). В условиях современной гибридной войны эта концепция масштабируется, переносясь с уровня отдельного индивида на уровень социальных групп, включая государственных лидеров и представителей политических элит. Гибридная война призвана, среди прочего, посеять уныние, отчаяние, страх и внушить бесперспективность какого-либо сопротивления. И здесь, как нам представляется, закон перехода количественных изменений в качественные будет проявляться достаточно четко — от сломленной воли индивида к сломленной воле масс.

«Социальная смерть» представляет собой искусственно моделируемое состояние, процесс систематического стирания юридической и политической субъектности. Это не одномоментный акт, а длительная процедура десубъективации. Субъект превращается в «голую жизнь» (*homo sacer* в терминологии Дж. Агамбена), в фигуру, полностью выведенную за пределы правового поля (Агамбен, 2011).

Концептуальное развитие этой идеи находит отражение в трудах Дж. Агамбена «Homo sacer» (Агамбен, 2011) и «Состояние исключения» (Agamben, 2004), где категория «чрезвычайного положения» интерпретируется как топологическое пространство, в котором суверен санкционирует приостановку правопорядка ради его парадоксального сохранения. В этой логике субъект, помещенный в «зону исключения», подвергается радикальной деполитизации: он лишается *bios* (определенной формы или способа жизни, свойственного индивиду или группе, то есть социально и юридически квалифицированного бытия гражданина) и низводится до состояния *zoē* (простого факта биологической жизни, общего для всех живых существ — животных и людей) (Агамбен, 2011). Суверенная власть лишает индивида его политической субъектности (*bios*), но при этом не отпускает его в состоя-

ние естественной, природной свободы. Напротив, как подчеркивает Дж. Агамбен, результатом такого властного исключения становится не просто возврат к животной *zoē*, а производство «голой» или «священной жизни» (*sacred life*) как специфической зоны неразличения, в которой *zoē* и *bios* взаимно исключают и одновременно поглощают друг друга (Агамбен, 2011, с. 87). Эта «голая жизнь» представляет собой сугубо биологический субстрат, в отношении которого суверенная власть реализуется безотносительно к каким-либо правовым ограничениям. Именно этот метафизический принцип детерминирует специфику правового режима пенитенциарного комплекса Гуантанамо. Конструирование «правового нигде» осуществляется через намеренный отказ в наделении задержанных статусом военнопленных, защищенных нормами Третьей Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными (в частности ст. 4, определяющей критерии статуса военнопленного)[11], или статусом обвиняемых, обладающих процессуальными гарантиями национального законодательства. Результатом подобного институционального лишения прав человека становится возникновение уникальной юрисдикции, в которой индивид продолжает физическое существование, полностью утрачивая при этом качество субъекта права.

Технологический цикл производства «социальной смерти» представляет собой многоступенчатый процесс, реализация которого начинается задолго до физического задержания оппонента. Первым и определяющим этапом является символическая, или дискурсивная, делегитимация. Глобальные медийные ресурсы, включая информационные агентства и социальные сети, запускают процесс семантической дегуманизации объекта. Закрепление ярлыков «враг демократии», «пособник терроризма», «наркотеррорист», «кровавый убийца» или «военный преступник» выполняет функцию не просто оскорбления, а своего рода маркера исключения. Это сигнал международным институтам и целым государствам о том, что на данного субъекта больше не распространяются нормы права. Демонизация формирует необходимый когнитивный фон, «новую нормальность», в которой любые агрессивные действия (от санкций до физического похищения) воспринимаются общественным мнением как восстановление справедливости, а не как нарушение суверенитета («силовое правосудие»).

Завершающим актом процедуры десубъективации становится физическое помещение субъекта в материальную «зону исключения», в спецтюрьму или на военную базу (по типу Гуантанамо). На этом этапе процесс достигает кульминации, переходя в фазу непосредственного психофизического подавления. Попадая в эту систему, человек лишается последних атрибутов личности, включая собственное имя, которое заменяется порядковым номером. Субъект изымается из привычной среды, изолируется от информационной и культурной сферы. Внутри зоны применяются специальные техники разрушения личности: сенсорная депривация или перегрузка, лишение сна, принудительное кормление и унизительные процедуры досмотра. Целью данных практик является не столько получение информации, сколько полный слом воли и деконструкция личности, превращение человека в послушный биологический объект. Узник «зоны исключения» перестает быть политическим противником, с которым возможны переговоры, или военнопленным, защищенным конвенциями. Он трансформируется в бесправный объект, чья судьба служит инструментом устрашения для любых сил, готовых бросить вызов гегемонии, и наглядной демонстрацией неспособности международного права защитить того, кто был приговорен к «социальной смерти».

Связующим звеном изложенного выступает правовая конструкция «расщепленного суверенитета». Она позволяет обосновать взаимодополняющий характер выбранных подхо-

[11] Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. Принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 24.06.2026).

дов: параметры «зоны исключения» задаются на межгосударственном уровне, однако правовые последствия этих решений напрямую отражаются на положении человека.

Таким образом, теория политического реализма раскрывает политико-правовые предпосылки формирования такого вакуума, тогда как постструктурализм описывает его воздействие на личность. В современных исследованиях экстерриториальных режимов (Borgen, 2024; Cantor et al., 2022) именно такой ракурс позволяет проследить прямую связь между геополитическими решениями государства и фактической утратой индивидом правовой защиты.

Феномен «зон исключения»: понятие и специфика политико-правового режима

Распространение экстерриториальной юрисдикции в современных условиях перестает восприниматься в качестве юрисдикции «последнего уровня», принимая во внимание возможность ее установления применительно к публично-правовым отношениям (Терентьева, 2019, с. 161). Это объясняется тем, что в современном мире пределы распространения всеобъемлющей юрисдикции государств очерчиваются не только рамками физически определенных государственных границ, но и тем, что глобальные игроки называют зоной своих жизненно важных интересов, защита которых строится по известному принципу Н. Макиавелли: «Цель оправдывает средства». По сути, речь идет о возможности одних государств осуществлять действия, ущемляющие суверенитет других государств, причем на территории последних. В таких условиях проявление экстерриториальной юрисдикции становится все более частым явлением (Терентьева, 2019, с. 161). Как следствие, выделение «зоны исключения» в самостоятельную исследовательскую категорию обусловлено потребностью разрешить сложившуюся терминологическую амбивалентность. Смешение данного термина со смежными понятиями требует его четкой категориальной демаркации.

Следует учитывать разграничение между «зоной исключения» и «неконтролируемой территорией», которое встречается в работах В.А. Колосова (Колосов, Себенцов, Туров, 2021; Себенцов, Колосов, 2012). Именно он одним из первых обратил внимание на частое несовпадение официальной и фактической юрисдикций над той или иной территорией в ряде стран (Окунев, Шестакова, 2022, с. 172). Заметим, что А.Б. Себенцов и В.А. Колосов приводят схожие по значению термины, встречающиеся в работах А.И. Фурсова («серая зона») (Фурсов, 1999), А.И. Неклессы (территории «транзитной государственности») (Неклесса, 1997) и др.

В зарубежной литературе наиболее распространен термин «неуправляемая территория» (*ungoverned territories* (Schetter, 2012) / *areas* (Lamb, 2008) / *spaces* (Whelan, 2006) / *zones* (Botchway, 2017)). С. Макдональд (MacDonald, 1993) и К. Рауфер (Raufer, 1999) употребляют примерно в том же значении термин «серая зона» (*grey area*). Так, С. Макдональд определяет «серую зону» как территорию или сферу деятельности, над которой правительство теряет эффективный контроль (MacDonald, 1993, p. 34). В свою очередь К. Рауфер описывает такие зоны как пространства анархии, окончательно вышедшие из-под юрисдикции государства и закрытые для внешнего мира (Raufer, 1999, p. 32). Главная особенность этих территорий заключается в том, что официальные институты полностью утрачивают там свою силу, а реальная власть переходит к нелегальным теневым структурам (Raufer, 1999, p. 32).

Общим для всех перечисленных понятий является указание на разрыв между формальной и фактической властью над территорией. Однако во всех этих случаях разрыв возникает стихийно вследствие слабости институтов, вооруженного конфликта или криминальной активности. Принципиальное отличие «зоны исключения» состоит в том, что разрыв создается намеренно и оформляется юридически: он является не дефектом правопорядка, а его следствием.

С учетом изложенного под «зоной исключения» в данном исследовании понимается экстерриториальный анклав, целенаправленно

создаваемый доминирующим государственным актором на территории суверенного государства на договорной основе посредством разделения формального титула на территорию и фактической власти над ней и характеризующийся совокупностью пяти признаков: юрисдикционного дуализма, нормативной неопределенности, функциональной полицентричности, институциональной устойчивости и информационной герметичности.

Юрисдикционный дуализм означает, что формальный суверенитет над территорией сохраняется за государством-хозяином, тогда как административная, военная и правовая власть фактически принадлежит государству-арендатору. Эта дихотомия закрепляется в специфических договорных формулах, разграничивающих «верховный суверенитет» (*ultimate sovereignty*) и «полный оперативный контроль» (*complete jurisdiction and control*), что и было сделано в кубино-американских соглашениях 1903 г.[12] и подтверждено договором 1934 г.[13]

Нормативная неопределенность является следствием такого дуализма: действие национального права территориального суверена блокируется, а нормы международного гуманитарного права и принципы универсальной юрисдикции применяются государством, осуществляющим фактический контроль, избирательно. Создаваемая таким образом зона правовой неопределенности становится инструментом для реализации операциональных задач, выведенных за рамки конвенционального правового поля.

Функциональная полицентричность отличает «зону исключения» от обычной иностранной военной базы, статус которой определяется соглашением о статусе вооруженных сил. Такая база выполняет строго определенный перечень функций, тогда как «зона исключения» одновременно сочетает в себе роли военно-стратегического плацдарма, форпоста для специальных разведывательных операций и внеправового пространства для содержания под стражей, выступая материальным воплощением асимметрии суверенных возможностей.

Институциональная устойчивость проявляется в том, что, в отличие от оккупационного режима, ограниченного во времени и урегулированного IV Женевской конвенцией 1949 г., «зона исключения» приобретает бессрочный характер и защищается от ликвидации внутренними правовыми механизмами самого государства-арендатора. В случае базы США на Гуантанамо такую защиту обеспечивают положения законов об ассигнованиях на нужды национальной обороны, начиная с Национального закона об оборонных ассигнованиях США 1961 г.[14]

Информационная герметичность «зоны исключения» обеспечивается либо полной депортацией местного населения, либо режимом закрытости, исключающим независимый гражданский и правозащитный мониторинг. Первый вариант был реализован на архипелаге Чагос в Индийском океане, где в 1968–1973 гг. Великобритания принудительно выселила коренное население (народ илои) на Маврикий и Сейшельские о-ва, чтобы разместить на острове Диего-Гарсия совместную с США военную базу (Motluk, 2024; Chowdhury, 2024). В 2019 г. Международный суд ООН признал отделение

[12] См.: Agreement Between the United States and Cuba for the Lease (Subject to Terms to be Agreed upon by the Two Governments) to the United States of Lands in Cuba for Coaling and Naval Stations, February 16/23, 1903 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1903/d331 (accessed: 24.06.2026); Lease to the United States by the Government of Cuba of Certain Areas of Land and Water for Naval or Coaling Stations in Guantanamo and Bahia Honda, July 2, 1903 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1903/d332 (accessed: 24.08.2026).

[13] Treaty Between the United States of America and Cuba, Signed at Washington, May 29, 1934 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1934v05/d170 (accessed: 24.06.2026).

[14] An Act to Authorize Appropriations for Aircraft, Missiles, and Naval Vessels for the Armed Forces, and for Other Purposes, June 21, 1961 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-75/pdf/STATUTE-75-Pg94-2.pdf (accessed: 24.06.2026).

архипелага от Маврикия в 1965 г. противоречащим праву народов на самоопределение[15], что поддержала Генассамблея ООН[16]. Показательно, что урегулирование 2025 г., по которому Великобритания признала суверенитет Маврикия над архипелагом, сохранило базу на условиях аренды сроком на 99 лет[17]: смена формального титула не устранила саму зону, а лишь переоформила ее правовое основание. Это подтверждает, что определяющим признаком «зоны исключения» является не принадлежность титула, а его отделенность от фактического контроля.

Институциональное устройство таких зон раскрывается через политико-правовую категорию «расщепленного суверенитета». Исторически данный концепт восходит к классической теории делимости суверенитета, изначально обосновавшей распределение властных полномочий в федеративных государствах (Черняк, 2005, с. 15). В современном научном дискурсе эта идея развивается в рамках теорий разделенного суверенитета (Януш, Мухарямов, 2025, с. 52) и делимости суверенитета (Грибунов, Степанова, 2023, с. 31). При экстраполировании данной категории на специфику исследуемого феномена в развитие идей М. Штрауса о статусе экстерриториальных аренд (Strauss, 2007) данный подход предполагает искусственное разделение формального титула владения территорией и фактической власти над ней. Традиционная Вестфальская модель постулирует неразрывную связь триады «территория — население — власть» (Карпиленя, 2020, с. 32), где суверен обладает всей полнотой юрисдикции в своих границах. Однако практика создания «зон исключения» базируется на намеренном разрыве этих компонентов.

Указанные анклавы, выведенные за пределы национальной юрисдикции, не следует воспринимать исключительно как рудименты колониальной эпохи или досадные пробелы в международно-правовом регулировании отношений между странами. Напротив, они представляют собой продукт современной «геополитической инженерии», созданный для обеспечения скрытого влияния ведущих держав в условиях формального юридического равенства государств. Генезис данных зон неразрывно связан с эволюцией стратегий доминирования, демонстрирующей переход от прямого физического захвата территорий к формированию сложной системы экстерриториальных узлов. Такой подход позволяет проецировать силу в глобальном масштабе, минимизируя политические и правовые издержки. В данном контексте институт экстерриториальности утрачивает характер дипломатической привилегии и трансформируется в инструмент гибридной войны, то есть в механизм, посредством которого сильный актор формирует пространство стратегического влияния в пределах границ более слабого актора.

Сопоставление «зоны исключения» со смежными пространственно-правовыми режимами по указанным основаниям представлено в таблице.

Предложенная система критериев позволяет дифференцировать «зоны исключения» от смежных пространственных режимов. Данный подход объясняет и высокую степень устойчивости таких образований: их статус базируется не на фактическом контроле территории, который всегда носит обратимый характер, а на обязывающем международном договоре. При этом расторжение такого соглашения юридически поставлено в прямую зависимость от согласия самого государства-выгодоприобретателя.

[15] Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965. Advisory Opinion of 25 February 2019. P. 95 // International Court of Justice. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/169/169-20190225-ADV-01-00-EN.pdf (accessed: 24.06.2026).

[16] Resolution A/RES/73/295 Adopted by the General Assembly on 22 May 2019 “Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965” // United Nations. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/73/295 (accessed: 24.06.2026).

[17] Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the Republic of Mauritius Concerning the Chagos Archipelago Including Diego Garcia. London and Port Louis, 22 May 2025 // UK Government. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/682f25afc054883884bff42a/CS_Mauritius_1.2025_Agreement_Chagos_Diego_Garcia.pdf (accessed: 25.06.2026).

Отграничение «зоны исключения» от смежных пространственно-правовых режимов

Понятие	Основание возникновения	Субъект фактического контроля	Характер во времени	Отличие от «зоны исключения»
«Зона исключения»	Международный договор (аренда, уступка юрисдикции)	Иностранное государство	Бессрочный (институционализированный)	–
Неконтролируемая территория (В.А. Колосов)	Слабость институтов государства-хозяина	Негосударственные акторы либо никто	Переменный	Разрыв юрисдикций возникает стихийно, а не создается договором
«Серая зона» в пространственном значении (А.И. Фурсов, С.С. Макдональд, К. Рауфер)	Утрата эффективного контроля государством в пользу теневых структур	Негосударственные акторы (вооруженные и/или криминальные)	Ситуативный (конъюнктурный)	Отсутствует внешний суверен, юридически оформивший экстерриториальный контроль
Территории «транзитной государственности» (А.И. Неклесса)	Незавершенность государственного строительства	Формирующиеся местные институты	Переходный	Состояние носит временный и сугубо внутренний по природе характер
Несостоявшееся государство (*failed state*)	Утрата государством монополии на легитимное насилие	Конкурирующие внутренние группировки	Перманентно-кризисный	Правовой вакуум носит не проектируемый, а стихийный характер (распад институтов)
Оккупированная территория (IV Женевская конвенция 1949 г.)	Установление фактической власти вооруженных сил противника	Оккупирующая держава	Временный, до прекращения оккупации	Режим прямо урегулирован и ограничен международным гуманитарным правом
Иностранная военная база на условиях соглашений о статусе сил (войск) (*Status of Forces Agreement*, SOFA)	Соглашение о статусе вооруженных сил	Государство пребывания с изъятиями в пользу направляющего государства	Ограниченный сроком договора	Юрисдикция государства-хозяина сохраняется, функции арендатора ограничены военными
Зависимая территория (несамоуправляющаяся)	Колониальное наследие, международная система опеки / управления	Управляющая держава	Долгосрочный (до реализации права народов на самоопределение)	Отсутствует договорное расщепление суверенитета независимых государств; статус регулируется Уставом ООН

Источник: составлено О.А. Кузнецовой, А.С. Холоимовой, Л.Р. Клебановым и М.М. Маджумаевым.

Этапы становления базы Гуантанамо как «зоны исключения»

В современном мире ярким примером «зоны исключения» является база военно-морских сил США в заливе Гуантанамо.

База Гуантанамо (занимает 117 кв. км и расположена в 920 км к юго-западу от Гаваны, Куба) получила всемирную «дурную славу» из-за пыток и массовых нарушений прав человека в секретной тюрьме на территории базы: с 2002 по 2022 г. в Гуантанамо содержалось около 780 мужчин и мальчиков-мусульман, почти во всех случаях — без предъявления обвинений и суда. По состоянию на июль 2026 г., там содержится 15 человек[18]. Заключенные Гуантанамо в основном являются гражданами стран, которые, по мнению представителей администрации США, причастны к террористической деятельности. Задержанные были захвачены на чужой территории, им не было предъявлено никаких конкретных обвинений (Кудинов, Микрикова, 2023, с. 5–12). Следует заметить, что эта база может функционировать не только как военно-морская, но и как военно-воздушная база.

[18] The Guantánamo Docket // The New York Times. Updated July 27, 2026. URL: https://www.nytimes.com/interactive/2021/us/guantanamo-bay-detainees.html#indefinite (accessed: 25.08.2026).

История создания и использования базы неразрывно связана с историей взаимоотношений Кубы и США и включает в себя пять этапов:

1) правовое оформление расщепленного суверенитета (1898–1934 гг.);

2) использование базы как инструмента вмешательства США во внутриполитические процессы Кубы (1934–1958 гг.);

3) превращение базы в плацдарм подготовки вторжения США на Кубу (1959–1962 гг.);

4) применение в качестве пространства отказа в правосубъектности мигрантам (1991–1996 гг.);

5) функционирование как внеправового места содержания под стражей в период афганской кампании (2001–2021 гг.).

События января 2026 г. открывают шестой этап, содержание которого еще формируется.

Правовое оформление расщепленного суверенитета (1898–1934 гг.)

Свое начало американская экспансия на Кубе берет в 1898 г., когда США под предлогом помощи кубинцам в освобождении от испанского господства захватили бухту Гуантанамо с помощью отряда морской пехоты, правда, удержаться американским солдатам помогли кубинцы из Освободительной армии.

Правовое оформление присутствия проходило в несколько этапов. 2 марта 1901 г. Сенат США принял в качестве поправки к Законопроекту об ассигнованиях на содержание армии 1901 г. (*Army Appropriations Bill of 1901*) предложение сенатора О. Платта, состоящее из восьми статей и существенно ограничившее суверенитет Кубы[19]. Речь идет о ст. III, VI, VII и VIII. В частности, ст. III предоставляла США право на интервенцию с целью «охраны независимости» Кубы, ст. VI передавала США о-в Пинос, а ст. VII обязывала Кубу продать или передать в аренду США часть территорий для обустройства угольных баз и морских станций. Ст. VIII, в свою очередь, требовала включить поправку в постоянный договор между США и Кубой[20].

Во исполнение ст. VII 16 февраля 1903 г. президент Кубы Т. Эстрада Пальма, а 23 февраля того же года президент США Т. Рузвельт подписали Соглашение об аренде земель под угольные и морские станции. Именно этот документ содержит формулу, которая впоследствии стала юридической основой режима: Куба сохраняет за собой «верховный суверенитет» (*ultimate sovereignty*), тогда как США получают «полную юрисдикцию и контроль» (*complete jurisdiction and control*) над территорией базы (Cantor et al., 2022, p. 143), однако точное содержание двух этих понятий в документе не раскрыто. Как известно, контроль над территорией — естественная потребность любого государства, поскольку позволяет ему получать ресурсы для существования, служит основой его суверенитета, отличает от других политических организаций (Окунев, Шестакова, 2022, с. 173).

29 мая 1903 г. был подписан Договор об отношениях, инкорпорировавший «поправку Платта» в двусторонний договор[21], а 2 июля 1903 г. было заключено дополнительное соглашение, определившее условия аренды, включая ежегодный платеж в размере 2 тыс. долл. США золотом[22].

[19] Treaty Between the United States and the Republic of Cuba Embodying the Provisions Defining Their Future Relations as Contained in the Act of Congress Approved, March 2, 1901; 5/22/1903; Perfected Treaties, 1778–1945; General Records of the United States Government, Record Group 11; National Archives Building, Washington, DC // U.S. National Archives and Records Administration. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/platt-amendment (accessed: 24.06.2026).

[20] Treaty Between the United States and the Republic of Cuba Embodying the Provisions Defining Their Future Relations as Contained in the Act of Congress Approved, March 2, 1901; 5/22/1903; Perfected Treaties, 1778–1945; General Records of the United States Government, Record Group 11; National Archives Building, Washington, DC // U.S. National Archives and Records Administration. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/platt-amendment (accessed: 24.06.2026).

[21] Treaty Between the United States of America and Cuba, Signed at Washington, May 29, 1934 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1934v05/d170 (accessed: 24.06.2026).

[22] Lease to the United States by the Government of Cuba of Certain Areas of Land and Water for Naval or Coaling Stations in Guantanamo and Bahia Honda, July 2, 1903 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1903/d332 (accessed: 24.08.2026).

Специфика данного международно-правового режима обусловлена тем, что ни одно из соглашений не раскрывает нормативного содержания указанных категорий и не устанавливает критериев их разграничения. В текстах документов не указан объем правомочий, сохраняемых за территориальным сувереном, не определен правопорядок, применимый к находящимся на базе лицам, и не предусмотрен институциональный механизм разрешения споров о компетенции. Подобная правовая неопределенность представляет собой не технический пробел договора, а его фундаментальную функциональную особенность. Сложившаяся конструкция позволяла каждой из сторон апеллировать к собственному основанию (Кубе — к номинальному титулу, США — к фактическому контролю) в условиях отсутствия наднациональной инстанции, уполномоченной разрешать юрисдикционные противоречия. Как отмечает М. Штраус, исследуя эту модель через призму институтов международной аренды и сервитутов, подобное расщепление не интегрирует территорию в обе правовые системы, а, напротив, выводит ее за пределы действия каждой из них (Strauss, 2007). Таким образом, именно намеренная нормативная амбивалентность соотношения этих статусов трансформирует классическую договорную аренду в экстерриториальную «зону исключения».

В 1934 г. был заключен новый Договор об отношениях, отменивший «поправку Платта»[23]. Однако ст. III прямо сохранила действие соглашений об аренде Гуантанамо и установила, что их изменение или прекращение возможно только по взаимному согласию сторон. Тем самым устранение правового основания ограничения суверенитета Кубы не повлекло устранения самого ограничения, а условие обоюдного согласия придало режиму бессрочный характер.

Инструмент вмешательства во внутриполитические процессы Кубы (1934–1958 гг.)

На втором этапе база использовалась как ресурс воздействия на внутреннюю политику государства пребывания. Сразу же после Второй мировой войны, в 1946 г., правительство США пыталось убедить кубинское правительство оставить базы, созданные по Соглашению о военно-морском сотрудничестве от 7 сентября 1942 г., в американском распоряжении еще на несколько лет. Официальным обоснованием этого требования выступали «интересы обороны полушария» — военно-стратегическая концепция, предполагающая защиту всего Западного полушария (Северная и Южная Америка, включая Карибский бассейн) как единого пространства безопасности[24]. Однако рост патриотических и национально-освободительных настроений на Кубе заставил тогдашнее руководство страны занять решительную позицию в этом вопросе: США были вынуждены вернуть временные военные базы, и только база в Гуантанамо осталась под контролем США (Бородаев, 2015, с. 112).

В военном перевороте под руководством Ф. Батисты, произошедшем на Кубе 10 марта 1952 г., персонал базы Гуантанамо, судя по всему, тоже играл определенную роль. Как отмечает В.А. Бородаев, военный атташе посольства США в Гаване Ф. Хук находился вместе с Ф. Батистой в крепости «Колумбия» в ночь, когда произошел переворот, и координировал по каналам специальной связи переговоры лидера переворота с высокопоставленными военными и гражданскими чиновниками страны. В это же время два американских офицера с базы Гуантанамо находились в гарнизоне

[23] Treaty Between the United States of America and Cuba, Signed at Washington, May 29, 1934 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1934v05/d170 (accessed: 24.06.2026).

[24] См.: Memorandum of Conversation, by the Adviser on Political Relations (Duggan). [Washington,] July 9, 1942 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v06/d311 (accessed: 26.06.2026); The Secretary of State to the Ambassador in Cuba (Braden). Washington, August 24, 1942–4:45 p.m. // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v06/d316 (accessed: 26.06.2026).

Сантьяго-де-Куба (второго по своей значимости на острове). Офицеры, видимо, также выполняли роли координаторов и оставались в гарнизоне до того момента, пока власть в стране полностью не перешла в руки диктатора. Вскоре после переворота Ф. Батиста инициировал разрыв дипломатических отношений с СССР и заявил, что Куба никогда не будет базой для коммунизма (Бородаев, 2015, с. 118–119).

База Гуантанамо использовалась и для помощи Ф. Батисте в борьбе с революционным движением, которое развернулось после прихода диктатора к власти. Часть районов страны контролировалась партизанами, для уничтожения которых США в 1958 г. начали поставлять правительственным войскам оружие и боеприпасы, включая напалмовые бомбы для ВВС. Также американцы разрешили военно-воздушным силам Ф. Батисты использовать базу Гуантанамо для заправки самолетов и загрузки бомб (Бородаев, 2015, с. 123).

Функциональное значение этого этапа состоит в следующем: анклав, юридически выведенный из-под кубинской юрисдикции, обеспечивал внешнему актору возможность участвовать во внутриполитическом процессе, оставаясь физически на территории страны и формально не нарушая ее суверенитет.

Плацдарм подготовки вторжения (1959–1962 гг.)

После прихода к власти на Кубе Фиделя Кастро, 3 января 1961 г., США разорвали дипломатические отношения с «Островом свободы». Впоследствии кубинское правительство прекратило подачу воды на базу в Гуантанамо, и той пришлось перейти на автономное обеспечение водой и электричеством в течение нескольких лет[25]. Именно победа Кубинской революции в 1959 г. ознаменовала собой следующий этап в истории базы Гуантанамо, который связан с такими важнейшими военно-политическими событиями, как операции «Мангуст» и «Анадырь» периода Карибского кризиса 1962 г.

Операция «Мангуст» (известная также как «Кубинский проект», *Cuba Project*) была разработана Центральным разведывательным управлением США и Пентагоном в первый год президентства Дж.Ф. Кеннеди и являлась классическим примером гибридной войны против независимого государства. Материалы этого сверхсекретного когда-то проекта ныне преданы огласке, что позволяет исследователям оценить, насколько циничными были действия руководства США, не гнушавшегося никакими средствами в достижении своей цели по устранению лидера Кубы Фиделя Кастро и ликвидации кубинской независимости. Рассекреченные файлы, в частности меморандум Объединенного комитета начальников штабов «Обоснование военного вмешательства США на Кубе» от 13 марта 1962 г. (кодовое обозначение «Нортвудс»)[26], свидетельствуют о том, что главной задачей этой операции было обеспечить прямое военное вторжение США на Кубу. Однако такое вторжение требовало соответствующего обоснования, предлога: нужно было создать видимость «кубинской угрозы» миру в Западном полушарии и представить США как избавителя от этой угрозы. Базе США в Гуантанамо в этом проекте отводилась особая роль.

Для легитимации вторжения на Кубу требовалось прибегнуть к «легитимной провокации» (в файлах «Мангуста» этот термин значился как "*legitimate provocation*"). Объектом такой «легитимной провокации» и должна была стать американская база в Гуантанамо, в отношении которой планировалось осуществить ряд скоординированных агрессивных действий, ответственность за которые тут же возложить на кубинское правительство. Эти действия включали в себя:

– распространение с использованием подпольных радиостанций устойчивых слухов о вторжении кубинцев на базу;

[25] Naval Station Guantanamo Bay: History and Legal Issues Regarding Its Lease Agreements // Congressional Research Service. URL: https://www.congress.gov/crs-product/R44137 (accessed: 24.06.2026).

[26] Chairman, Joint Chiefs of Staff. Memorandum to the Secretary of Defense "Justification for US Military Intervention in Cuba", 13 March 1962 // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/CMC-60/joint-chiefs-pretexts-to-invade-Cuba-1962 (accessed: 24.06.2026).

– высадка кубинцев-коллаборантов (*friendly Cubans*), одетых в кубинскую военную форму, в районе взлетно-посадочной полосы, для инсценировки нападения на базу;

– захват в плен этих же кубинцев-«диверсантов» на территории базы;

– массовые беспорядки у главных ворот базы, затеянные кубинцами-коллаборантами;

– взрывы боеприпасов на территории базы и стрельба из огнестрельного оружия;

– поджог самолетов на летном поле;

– минометные обстрелы базы с территорий, находящихся за ее периметром, и некоторые разрушения объектов базы;

– захват в плен штурмовых групп, которые атакуют базу с моря или со стороны окрестностей г. Гуантанамо;

– захват в плен групп вооруженного ополчения, штурмующих базу;

– диверсия на корабле в гавани и потопление корабля с последующей церемонией похорон «лже»-погибших.

Все эти манипуляции должны дать немедленный повод для широкомасштабного вторжения США на Кубу[27]. Вполне возможно, что такой повод для вторжения — прямая «атака» на американскую военную базу — был избран потому, что предыдущие планы оправдать возможное американское военное вмешательство с помощью кубинских мятежников из числа эмигрантов успеха не имели. Высадка наемников-эмигрантов («бригада 2506») в заливе Кочинос (район Плая-Хирон) 17 апреля 1961 г. закончилась полным крахом — уже 19 апреля наемники были окончательно разгромлены, многие взяты в плен[28].

Упомянутый меморандум имеет для настоящего исследования значение, выходящее за рамки частного исторического эпизода. Он показывает, что функции базы не сводились исключительно к военно-морским: экстерриториальный статус объекта позволял моделировать ситуации, юридически вменяемые государству пребывания. Стандартная иностранная база исключает подобную двойственность, поскольку нападение на нее квалифицируется как посягательство на территорию государства-хозяина со всеми вытекающими международно-правовыми последствиями. В случае же с Гуантанамо именно расщепление титула и контроля формирует пространство, в котором один и тот же инцидент может трактоваться одновременно и как угроза интересам США, и как деяние кубинской стороны. Именно в этой юрисдикционной асимметрии и выражается специфика «зоны исключения» на данном этапе.

Советское руководство регулярно получало достоверные сведения о том, что США готовят прямое военное вторжение на Кубу, чего Советский Союз никак не мог допустить. Ответом стала сверхсекретная операция Вооруженных Сил СССР «Анадырь», в ходе которой на Кубу была переброшена Группа советских войск на Кубе (ГСВК), оснащенная ядерными ракетами, способными поражать военно-стратегические объекты на всей территории США. В случае боевых действий военно-воздушные силы ГСВК совместно с сухопутными и военно-морскими силами и при поддержке подразделений кубинской армии должны были уничтожить десанты противника и нанести удары по базе Гуантанамо (Каракаев, 2013, с. 37–38).

После получения президентом США Дж. Кеннеди информации о том, что на Кубе находятся советские войска с ядерным оружием, американцы начали активно устанавливать районы дислокации советских ракетных установок, а 22 октября 1962 г. глава Белого дома объявил о морской блокаде Кубы. В своем обращении к американской нации он упомянул и базу Гуантанамо — члены семей военнослужащих были эвакуированы, а сама база получила дополнительное усиление[29]. Стремясь

[27] Chairman, Joint Chiefs of Staff. Memorandum to the Secretary of Defense "Justification for US Military Intervention in Cuba", 13 March 1962. P. 7 // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/CMC-60/joint-chiefs-pretexts-to-invade-Cuba-1962 (accessed: 24.06.2026).

[28] The Bay of Pigs Invasion and Its Aftermath, April 1961–October 1962 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/milestones/1961-1968/bay-of-pigs (accessed: 26.06.2026).

[29] Address During the Cuban Missile Crisis. Radio and Television Address to the American People on the Soviet Arms Build-Up in Cuba, 22 October 1962 // The John F. Kennedy

реализовать замысел операции «Мангуст», Пентагон довел численность группировки войск для вторжения до 250 тысяч военнослужащих, при этом на самой базе в Гуантанамо находилась усиленная дивизия морской пехоты численностью около 16 тыс. человек (Каракаев, 2013, с. 41), которая входила в гуантанамо-пуэрториканскую группировку, включавшую свыше 30 кораблей[30]. Кризис был урегулирован политическими средствами.

Пространство отказа мигрантам в правосубъектности (1991–1996 гг.)

Следующий этап институционального становления базы Гуантанамо был спровоцирован миграционными кризисами в Карибском бассейне 1990-х гг. Тогда база Гуантанамо сыграла роль «приемного пункта» для беженцев из Гаити: государственный переворот на Гаити в сентябре 1991 г. привел к тому, что несколько тысяч гаитян бежали по морю из страны. В итоге к декабрю на кораблях и иных объектах ВМС США, включая базу в Гуантанамо, находилось свыше 6 тыс. человек[31]. Именно тогда экстерриториальный статус базы был впервые использован как юридическое основание для лишения находящихся там лиц правовой защиты.

В 1994 г. имеющийся контингент пополнился кубинскими мигрантами. Американская администрация организовала на территории базы изоляционные лагеря, полностью отказав задержанным в доступе к процедурам, гарантированным иммиграционным законодательством США. Юридическая аргументация правительства строилась на тезисе о том, что Гуантанамо не является суверенной американской территорией, следовательно, на находящихся там иностранных граждан не распространяются конституционные и статутные гарантии. 18 января 1995 г. Апелляционный суд 11-го округа США поддержал данную позицию. В решении по делу Ассоциация кубино-американских юристов против Кристофера (*Cuban American Bar Association v. Christopher*)[32] суд постановил, что осуществление «юрисдикции контроля» не тождественно обладанию суверенитетом, в связи с чем иностранные мигранты на территории базы не обладают правами, подлежащими судебной защите в американской юрисдикции.

Этот судебный прецедент радикально трансформировал изначальный смысл двустороннего договора. Правовая формула 1903 г., созданная для урегулирования территориального статуса военно-морской станции, впервые стала легальным предлогом для изъятия людей из-под действия права. Механизм расщепления «верховного суверенитета» и «полной юрисдикции» был перенесен с пространственного измерения непосредственно на правовое положение личности. В результате к моменту событий 2001 г. юридический инструментарий для создания полноценной «зоны исключения» оказался полностью сформирован и судебно апробирован.

Внеправовое место содержания под стражей в период афганской кампании (2001–2021 гг.)

Следующим этапом трансформации Гуантанамо в «зону исключения» стало ее использование во время военной кампании США в Афганистане в 2001–2021 гг. Его правовые основы были заложены в первые месяцы после событий 11 сентября 2001 г. Уже 18 сентября Конгресс США принял Резолюцию о применении военной силы (*Authorization for Use of Military Force*), наделившую президента правом применять вооруженную силу против лиц и организаций, причастных

Presidential Library & Museum (National Archives and Records Administration). URL: https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/historic-speeches/address-during-the-cuban-missile-crisis (дата обращения: 26.06.2026).

[30] В эти дни исполняется годовщина Карибского кризиса 1962 года. Малоизвестные страницы истории // AfterShock. 24.10.2024. URL: https://aftershock.news/?q=node/1435950&full (дата обращения: 01.04.2026).

[31] Naval Station Guantanamo Bay: History and Legal Issues Regarding Its Lease Agreements // Congressional Research Service. URL: https://www.congress.gov/crs-product/R44137 (accessed: 24.06.2026).

[32] Cuban American Bar Ass'n, Inc. v. Christopher, 43 F.3d 1412 (11th Cir. 1995). United States Court of Appeals, Eleventh Circuit. January 18, 1995 // Human Rights Library. University of Minnesota. URL: https://hrlibrary.umn.edu/refugee/CubanABA_v_Christopher.html (accessed: 26.06.2026).

к терактам[33]. В развитие этого акта 13 ноября 2001 г. президент Дж. Буш-мл. издал приказ о задержании и предании суду военных комиссий иностранных граждан, подозреваемых в терроризме[34]. 11 января 2002 г. на базу прибыла первая группа задержанных, размещенная в лагере *Camp X-Ray* (впоследствии замененном на *Camp Delta*)[35].

Задержанным был присвоен статус «вражеских комбатантов» — правовая конструкция, не предусмотренная ни международным гуманитарным правом, ни национальным уголовно-процессуальным законодательством США (Глазунова, 2011, с. 153). Введение этого статуса означало одновременное лишение лица гарантий двух базовых правовых режимов: защиты военнопленных, предусмотренной III Женевской конвенцией от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными[36], и процессуальных прав гражданских обвиняемых. В результате сформировался беспрецедентный режим, при котором индивид, сохраняя физическое существование, полностью утрачивает качество субъекта права.

Пример базы Гуантанамо наглядно демонстрирует, что «зоны исключения» могут функционировать как механизм сегрегации, отделяющий политико-правовой статус личности (*corpus politicum*) от ее физического существования (*corpus naturale*). Фактически «зона исключения» превратилась в «зону бесправия».

Необходимо отметить, что по периметру базы Гуантанамо в разное время были размещены четыре самостоятельных военных образования: база военно-морских сил США (*Guantanamo Bay Naval Base*), объединенная оперативная группа Гуантанамо (*Joint Task Force Guantanamo*), которую расформировали в 1994 г., Южное отделение Офиса Военной комиссии (*Office of Military Commission—South Detachment*) и места содержания под стражей (*detention facilities*). Именно функционирование последних на территории базы (тюрьма Гуантанамо) стали примером абсолютного расчеловечивания содержащихся там людей, что дало веские основания обвинять всех причастных к созданию и функционированию тюрьмы в совершении преступлений против человечности (Кудинов, Микрикова, 2023, с. 5–12).

Необходимо провести анализ той практики «десубъективации» (исключение из числа субъектов права), которая реализуется внутри базы представителями силовых структур одного государства, при том что эта территория принадлежит другому государству. В современной политической теории такую практику, как уже отмечалось, принято обозначать термином «социальная смерть». Введение категории смерти в политологический анализ международных отношений требует отказа от ее восприятия исключительно как биологического факта прекращения жизнедеятельности. В контексте функционирования «зон исключения» смерть трансформируется в управленческую технологию, наиболее полно описываемую концепцией некрополитики.

Механизм осуществления «социальной смерти» включает две стадии. Первая — идеологическая делегитимация, то есть закрепление за задержанным ярлыков «враг демократии» или «пособник терроризма» как маркеров исключения, сигнализирующих о неприменимости к данному лицу общепризнанных правовых норм. На второй стадии происходит физическая изоляция в материальной «зоне исключения». Здесь лицо лишается последних

[33] Authorization for Use of Military Force, Public Law 107–40, 107th Congress, 115 STAT. 224, September 18, 2001 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ40/pdf/PLAW-107publ40.pdf (accessed: 26.06.2026).

[34] Military Order of November 13, 2001. Detention, Treatment, and Trial of Certain Non-Citizens in the War Against Terrorism, Federal Register Vol. 66, No. 222. 57833 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2001-11-16/pdf/01-28904.pdf (accessed: 26.06.2026).

[35] Lawfulness of Detentions by the United States in Guantánamo Bay : Committee on Legal Affairs and Human Rights Report. Doc. 10497. 8 April 2005 // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. URL: https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=10994&lang=EN (accessed: 26.06.2026).

[36] Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. Принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 24.06.2026).

атрибутов субъектности (включая имя, которое заменяется порядковым номером), полностью отрезается от внешнего мира и подвергается методикам подавления личности (сенсорная депривация, депривация сна, принудительное кормление). Целью данных мер является не столько допрос, сколько слом воли и превращение человека в бесправный объект. Подобное состояние точно описывается категорией «голой жизни» Дж. Агамбена: субъект деполитизируется и низводится до уровня сугубо биологического существования (*zoē*) (Агамбен, 2011), власть над которым осуществляется вне любых юридических ограничений.

Экстраординарная устойчивость созданного режима подтверждается тем фактом, что для его минимальной корректировки потребовалось вмешательство высшей судебной инстанции США. В деле Расул против Буша (*Rasul v. Bush*) (2004) Верховный суд признал компетенцию федеральных судов рассматривать петиции о правомерности содержания под стражей лиц в Гуантанамо, обосновав это тем, что США осуществляют над базой полный контроль[37]. В деле Хамдан против Рамсфелда (*Hamdan v. Rumsfeld*) (2006)[38] суд признал созданные военные комиссии противоречащими Единому кодексу военной юстиции США (*Uniform Code of Military Justice*) и общей для Женевских конвенций ст. 3 (Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женева, 12 августа 1949 г.[39]; Конвенция (II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, Женева, 12 августа 1949 г.[40]; Конвенция (III) об обращении с военнопленными, Женева, 12 августа 1949 г.[41]; Женевская конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны, Женева, 12 августа 1949 г.[42]).

В ответ Конгресс США принял Закон о военных комиссиях 2006 г.[43], в котором в ст. 7 (e) (1) содержится прямое исключение возможности подачи петиций *habeas corpus* от лиц со статусом «вражеских комбатантов». Однако в деле Бумедьен против Буша (*Boumediene v. Bush*) (2008) Верховный суд США признал этот запрет неконституционным, постановив, что конституционная гарантия *habeas corpus* распространяется на Гуантанамо, поскольку определяющим фактором является фактический, а не формально-титульный контроль территории[44]. Показательна сама политико-правовая динамика: каждое решение Верховного суда США вынуждало исполнительную или законодательную ветви власти конструировать новые механизмы правового исключения. Необходимость вынесения трех решений высшей инстанции за четыре года свидетельствует не о способности системы к самокоррекции, а об упорном стремлении государства сохранить за экстерриториальным объектом статус зоны, свободной от конституционных гарантий.

В настоящее время институциональное сохранение режима обеспечивается нормами бюджетного законодательства США. Начиная с Закона об ассигнованиях на нужды национальной обороны 2011 г. Конгресс США ежегодно налагает запрет на расходование госу-

[37] Rasul v. Bush, 542 U.S. 466 (2004) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/542/466/ (accessed: 26.06.2026).

[38] Hamdan v. Rumsfeld, 548 U.S. 557 (2006) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/548/557/ (accessed: 26.06.2026).

[39] Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field of 12 August 1949 // International Committee of the Red Cross. URL: https://ihl-databases.icrc.org/public/treaties/365-GC-I-EN.pdf (accessed: 26.06.2026).

[40] Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of Wounded, Sick and Shipwrecked Members of Armed Forces at Sea of 12 August 1949 // International Committee of the Red Cross. URL: https://ihl-databases.icrc.org/public/treaties/370-GC-II-EN.pdf (accessed: 26.06.2026).

[41] Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War of 12 August 1949 // International Committee of the Red Cross. URL: https://ihl-databases.icrc.org/public/treaties/375-GC-III-EN.002.pdf (accessed: 26.06.2026).

[42] Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War of 12 August 1949 // International Committee of the Red Cross. URL: https://ihl-databases.icrc.org/public/treaties/380-GC-IV-EN.pdf (accessed: 26.06.2026).

[43] Military Commissions Act of 2006. Public Law 109–366, 109th Congress, 120 STAT. 2600, October 17, 2006 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-109publ366/pdf/PLAW-109publ366.pdf (accessed: 26.06.2026).

[44] Boumediene v. Bush, 553 U.S. 723 (2008) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/553/723/ (accessed: 26.06.2026).

дарственных средств для перемещения узников Гуантанамо на американскую территорию (§ 1032) и регламентирует жесткие условия их передачи третьим странам (§ 1033)[45]. Одновременно установлен запрет на изменение условий договора об аренде базы без предварительного согласия Конгресса США[46]. В результате сложилась парадоксальная правовая конструкция: ликвидация «зоны исключения» заблокирована не международным обязательством, а внутренним финансовым механизмом самого государства-арендатора. При этом действие американского санкционного законодательства в отношении Кубы делает юридически невозможной передачу имущества базы территориальному суверену.

Транзитный узел «силового правосудия» (с 2026 г.)

Новейший прецедент, свидетельствующий об очередной трансформации функционального профиля базы, был зафиксирован в начале 2026 г. В ходе операции «Абсолютная решимость» (3 января 2026 г.) президент Венесуэлы Н. Мадуро и его супруга были захвачены специальными подразделениями армии США на территории укрепленного военного комплекса Форт-Тиуна (Каракас). Транспортировка задержанных осуществлялась по многоступенчатой схеме: захваченные лица были доставлены вертолетом на борт десантного вертолетоносца ВМС США «Иводзима», находившегося в Карибском море. С борта «Иводзима» президентскую чету доставили уже на базу в Гуантанамо, откуда на борту самолета переправили на базу ВВС Национальной гвардии США «Стюарт» в штате Нью-Йорк[47].

По сути, база Гуантанамо выступила важным промежуточным звеном при проведении нелегитимной военной операции против главы независимого государства. Это не является логистической случайностью. С позиции правовой архитектоники «зон исключения» данный выбор носит строго функциональный характер: экстерриториальный статус объекта создает условия для юрисдикционной амбивалентности. В этой точке задержанный фактически лишен возможности в полной мере апеллировать к кубинскому или американскому правосудию, в то время как оборонное ведомство США сохраняет над ним «полный оперативный контроль».

Подобная политико-правовая практика имеет исторический прецедент. Так, в декабре 1989 г. США использовали вооруженные силы не для обороны или выполнения союзнических обязательств, а для исполнения ордера на арест лидера Панамы Мануэля Норьеги, выданного национальным судом (Kruschke, 2025, p. 29). В этой акции «силового правосудия» был задействован контингент численностью 24 тысячи человек при поддержке авиации (Landis, 1991, p. 582). В ходе действий, направленных на задержание одного лица, бомбардировкам подверглись жилые районы Панама-Сити, что привело к жертвам среди гражданского населения и разрушению инфраструктуры. Впоследствии адвокаты М. Норьеги опирались в его защите на два аргумента, подкрепленные нормами международного права: статус военнопленного согласно Третьей Женевской конвенции и иммунитет главы государства (Mathias, 2023). Однако американский федеральный суд, опираясь на доктрину Кер-Фрисби[48], занял следующую позицию: незаконный способ доставки подсудимого (вклю-

---

[45] Ike Skelton National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2011. Public Law 111–383, 111th Congress, 124 STAT. 4137, January 7, 2011 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-111publ383/pdf/PLAW-111publ383.pdf (accessed: 26.06.2026).

[46] National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. Public Law 114-328, 114th Congress, 130 STAT. 2000, Dec. 23, 2016 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-114publ328/html/PLAW-114publ328.htm (accessed: 26.06.2026).

[47] Escorted Off Plane in Handcuffs: First Video Shows Nicolas Maduro in US Custody // Times of India. January 4, 2026. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/us/escorted-off-plane-in-handcuffs-video-shows-maduro-in-us-custody-happy-new-year-moment-at-dea-office/articleshow/126330367.cms (accessed: 01.04.2026).

[48] Доктрина Кер-Фрисби — правило американского уголовно-процессуального права, согласно которому суд США, как правило, не теряет юрисдикцию над обвиняемым лишь потому, что того доставили в страну или штат незаконным способом, включая насильственное похищение (*Прим. ред.*).

чая похищение и нарушение суверенитета другого государства) не является основанием для прекращения преследования и не отменяет юрисдикцию суда (Landis, 1991, pp. 593–594), а иммунитет Норьеги был отвергнут на том основании, что правительство США официально не признавало его режим легитимным (Landis, 1991, p. 590). Данное решение создало прецедент, согласно которому неприкосновенность иностранного лидера зависит не от конституционных процедур внутри его страны, а от акта политического признания со стороны иностранного государства, и осуждение М. Норьеги на 40 (впоследствии снижен до 17) лет лишения свободы закрепило практику подмены международного права национальным уголовным судопроизводством (Kwiatkowska, 2022).

Тем не менее различие между данными прецедентами носит принципиальный характер. Если в 1989 г. для задержания иностранного лидера потребовалась полномасштабная военная интервенция с последующим многолетним судебным разбирательством, то в 2026 г. между захватом президента Венесуэлы и его доставкой на территорию США прошли считанные часы. В этой схеме Гуантанамо выполнила роль юрисдикционного «шлюза», идеальной «зоны исключения», обеспечивающей беспрепятственный транзит вне строгих рамок международного права. Трансформация этого механизма очевидна: правовой инструментарий, для применения которого в 1962 г. требовалось конструировать провокацию, а в 2002 г. изобретать экстраординарный процессуальный статус, к 2026 г. оказался органично интегрирован в рутинную практику американских силовых ведомств.

В парадигме структурного реализма (неореализма) экспансия «зон исключения» является закономерной реакцией доминирующих держав коллективного Запада на кризис однополярного мироустройства. Утрачивая способность управлять, опираясь на грубую силу и прямую вооруженную агрессию, слабеющий гегемон вынужден все чаще прибегать к методам непрямого силового давления и созданию анклавов «нестабильности» на территории суверенных стран. Системный анализ показывает, что данная стратегия содержит встроенный дефект: создание «зон исключения» неизбежно провоцирует эрозию самой системы международного права, на которой базируется глобальная стабильность.

Стратегии противодействия внешнему вмешательству и институциональные механизмы защиты суверенитета

Систематическое применение экстерриториальной юрисдикции создает угрозу для независимых государств, прежде всего стран «Глобального не-Запада» (Радкевич, Шабага, 2018). Эта ситуация требует перехода от пассивной дипломатической обороны к стратегии активного комплексного противодействия. Традиционные методы реагирования, такие как ноты протеста и декларации, в текущих условиях доказали свою неэффективность. Современная международно-политическая реальность требует выработки комплекса прагматичных мер, которые наносили бы ощутимый политический и экономический ущерб инициаторам агрессивных действий. Политика вмешательства должна стать слишком дорогостоящей и рискованной. Речь идет о создании системы сдерживания, включающей, среди прочего, пересмотр международных договоров, принятие блокирующего законодательства, формирование новых судебных институтов, выработку средств экономического, информационного и иного противодействия.

Центральным элементом этой стратегии является механизм юридической «деоккупации» территорий, занятых иностранными военными базами. Государствам, предоставившим свою территорию, необходимо инициировать пересмотр или расторжение договоров аренды. Основанием для этого служат фундаментальные принципы международного права. Ключевым инструментом выступает доктрина *rebus sic stantibus* (коренное изменение обстоятельств) (Ильинская, 2024). Государство вправе заявить, что принципы использования арендованной территории изменились, поскольку

базы, изначально созданные для обеспечения безопасности, теперь используются для агрессии или содержания тайных тюрем (как в случаях с Гуантанамо или Диего-Гарсия), и это фундаментально меняет условия, существовавшие при заключении договора. Следовательно, принимающая сторона получает законное право на денонсацию соглашения.

В международных отношениях необходимо обеспечить верховенство права для справедливого и устойчивого мироустройства, поддержания глобальной стабильности, мирного и плодотворного сотрудничества государств и их объединений, а также для снижения международной напряженности и повышения предсказуемости мирового развития. В целях повышения устойчивости международно-правовой системы, недопущения ее фрагментации и ослабления, предотвращения избирательного применения общепризнанных принципов и норм международного права государствам, выступающим за восстановление всеобщего уважения к международному праву и укрепление его роли как основы международных отношений, следует консолидировать свои усилия[49].

В силу этого необходимо использовать аргумент о нарушении императивных норм международного права (*jus cogens*) (Ромашев, 2024). Международный договор не может санкционировать нарушение прав человека или агрессию. Если база используется для пыток или подготовки войны, договор о ее размещении может быть признан ничтожным. Для реализации этого механизма требуется принятие национальных законов о статусе иностранных военных объектов. Эти законы должны вводить строгий мониторинг деятельности баз. В них следует включить норму об автоматическом аннулировании права аренды при выявлении незаконной деятельности. Этот механизм можно назвать «оговоркой о защите суверенитета». Нарушение условий эксплуатации немедленно запускает процедуру вывода войск. Инфраструктура объекта национализируется в качестве компенсации ущерба. Такой подход переводит вопрос из плоскости политических переговоров в плоскость автоматического исполнения закона.

Вторым элементом системы защиты является законодательство о блокировании экстерриториальности. Такие акты должны быть приняты национальными парламентами и синхронизированы в рамках БРИКС и ШОС. Они должны запрещать соблюдение односторонних санкций, введенных без мандата Совета Безопасности ООН. Также необходимо ввести механизм зеркальной имущественной ответственности. Если активы пострадавшей страны арестованы за рубежом по политическим мотивам, национальный суд должен иметь право на ответные меры. Суд может наложить арест на активы компаний страны-агрессора в своей юрисдикции. Это позволит компенсировать понесенный ущерб. Такой подход переводит конфликт в коммерческую плоскость. Крупный бизнес страны, инициирующей санкции, становится заложником политики своего правительства. Потеря активов и рынков заставит корпорации лоббировать деэскалацию отношений.

Третьим механизмом должно стать создание Специализированного международного трибунала. Он будет рассматривать дела об экстерриториальных преступлениях и вмешательстве во внутренние дела. Деятельность Международного уголовного суда ООН часто подвергается критике за политическую ангажированность, поэтому новый орган может быть учрежден под эгидой Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС или в структуре ООН. В его юрисдикцию войдут незаконные санкции, кибератаки и организация государственных переворотов. Решения трибунала создадут правовую основу для введения коллективных контрсанкций. Также необходимо расширить применение универсальной юрисдикции в национальных уголовных кодексах. Это позволит преследовать иностранных должностных лиц, выносящих заведомо неправосудные решения об арестах. Риск

[49] Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/ (дата обращения: 27.12.2025).

уголовного преследования станет сдерживающим фактором для исполнителей политики вмешательства.

Системным ответом на угрозу изоляции должно стать создание механизмов цифрового и финансового суверенитета. Это подразумевает создание независимых интернет-платформ и платежных систем, альтернативных SWIFT. Также необходимо сформировать Глобальный пул страхования политических рисков. Фонд может пополняться за счет отчислений от торговли ресурсами внутри БРИКС. Он гарантирует экономическую стабильность стран-участниц при отключении от западных рынков. Техническая возможность переключения на альтернативные каналы делает угрозу изоляции бессмысленной. Комплекс этих правовых и экономических мер сформирует надежную защиту государственного суверенитета.

При этом формирование стратегий институционального реагирования предполагает предварительную деконструкцию доктринальных оснований, легитимирующих текущий статус экстерриториальных анклавов. В политико-правовой плоскости выделяются три вектора аргументации, потенциально обосновывающих существование подобных юрисдикций, каждый из которых требует обособленного аналитического рассмотрения.

Первый вектор апологии выстраивается вокруг функционально-безопасностного императива, в рамках которого существование «зон исключения» постулируется как неизбежная мера противодействия асимметричным угрозам транснационального терроризма (Birdsall, 2016; Sanders, 2018). В этой логике экстерриториальный статус объекта выступает инструментом изоляции лиц, чья деятельность представляет критическую угрозу, однако процедура доказывания их вины в рамках национального судопроизводства признается неосуществимой без компрометации разведывательных источников и методов. Несмотря на кажущуюся операциональную состоятельность, данная позиция опровергается верификацией фактических данных: в случае Гуантанамо из примерно 780 лиц, содержавшихся в этой тюрьме, абсолютное большинство было репатриировано или освобождено без предъявления обвинительных актов (Rietveld, van Wijk & Bolhuis, 2021, pp. 36–37). Учитывая, что даже институционализированные механизмы внутренней проверки, такие как Трибуналы по проверке статуса комбатантов (*Combatant Status Review Tribunals*, CSRT), в ряде случаев констатировали необоснованность задержания, аргумент безопасности лишается статуса системного универсального обоснования, превращаясь в декларативную формулу политической целесообразности.

Вторая группа аргументов основывается на легалистско-позитивистской парадигме, апеллируя к незыблемости принципа *pacta sunt servanda* и стабильности международно-договорного правопорядка (Strauss, 2007, p. 504). Сторонники этого подхода утверждают, что статус базы детерминирован действующими двусторонними соглашениями, произвольное расторжение которых создало бы опасный прецедент для всей архитектуры международного права. Однако в случае Гуантанамо формально-юридическая состоятельность этого довода нивелируется при анализе исторического контекста возникновения самих обязательств: договор 1903 г. был заключен в условиях ограниченного суверенитета Кубы и прямого военно-политического давления со стороны США, зафиксированного в «поправке Платта». С точки зрения современного права международных договоров, в частности положений Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. о недействительности соглашений, заключенных под принуждением (ст. 51–52)[50], легитимность данного положения представляется уязвимой. Более того, многофункциональность деятельности базы, в частности переход от функции военно-морского логистического хаба к плацдарму для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, дает веские основания для приме-

[50] Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 26.06.2026).

нения доктрины *rebus sic stantibus*, фиксирующей коренное изменение обстоятельств, составлявших существо первоначального согласия сторон.

Третье направление базируется на императиве геостратегического детерминизма, рассматривающего подобные анклавы как опорные пункты проекции силы и инструменты поддержания регионального баланса в рамках неореалистической парадигмы (Sawycky, 2016). В этом отношении существование «зон исключения» оправдано интересами *ratio status* (государственного интереса), которые превалируют над нормативными ограничениями, включая ограничения международного характера. Признавая логичность данной аргументации в качестве дескриптивного инструмента теории международных отношений, необходимо подчеркнуть недопустимость ее абсолютизации и безоговорочного доминирования над общепризнанными принципами и нормами международного права. Смешение категорий политической необходимости и нормативного правопорядка ведет к подмене универсальных норм волей отдельных влиятельных субъектов международных отношений, что в конечном счете девальвирует те самые правовые механизмы, на устойчивость которых формально претендуют сторонники государственного интереса.

В конечном итоге содержательная оценка изложенных позиций позволяет заключить, что ни одна из них не обеспечивает всеобъемлющей и неоспоримой аргументации в пользу существования «зон исключения». Обнаруживая либо эмпирическую несостоятельность, либо юридическую дефектность, либо методологическую эклектику, данные аргументы сохраняют свою политическую инструментальность, однако не могут рассматриваться как обоснованное основание для воспроизводства подобных институциональных аномалий в современном мире.

Заключение

Современная система международных отношений находится на историческом переломе. Однополярная модель, позволяющая отдельным акторам избирательно применять международное право в собственных интересах, переживает системный кризис. Он выражается в утрате государством-гегемоном способности осуществлять глобальное управление легитимными политико-правовыми средствами и вынужденном переходе к экстраординарным, внеправовым механизмам принуждения. В связи с этим стратегической задачей новых центров силы становится принуждение к реальному и равноправному исполнению международно-правовых норм. Отход от основных принципов Вестфальской системы международного мироустройства проявился в эрозии государственного суверенитета и появлении на территории независимых стран анклавов, выведенных из-под национальной юрисдикции.

Проведенное исследование показало, что «зона исключения» представляет собой самостоятельную категорию, отличную от неконтролируемых территорий, «серых зон» и обычных иностранных военных баз. Отличие носит качественный характер: разрыв между формальной и фактической юрисдикцией здесь возникает не стихийно, а целенаправленно проектируется и закрепляется международным договором. Предложенная пятикритериальная модель (юрисдикционный дуализм, нормативная неопределенность, функциональная полицентричность, институциональная устойчивость и информационная герметичность) позволяет отграничить данный феномен от смежных политико-правовых режимов.

Становление базы Гуантанамо выступает хрестоматийным примером практической реализации этой правовой конструкции. Функциональный профиль такой зоны способен радикально меняться, тогда как ее правовое основание остается неизменным. Формула, разграничившая «верховный суверенитет» и «полную юрисдикцию» в соглашениях 1903 г., обслуживала последовательно функционирование угольной станции, поддержку военного переворота, отказ мигрантам в правосубъектности, бессрочное содержание под стражей и, наконец, транзит задержанного главы иностранного государства. При этом устойчивость режима обеспечивается тем, что пре-

кращение аренды юридически поставлено в зависимость от согласия стороны, извлекающей из нее выгоду.

Современные практики вмешательства во внутренние дела суверенных государств со стороны «мирового жандарма» не случайны. Существующие на сегодня «зоны исключения» находятся под контролем США, которые фактически проводят политику неоколониализма. Использование «зон исключения» для обхода национального закона и нивелирования государственного суверенитета является системным свойством уходящей модели глобализации — патологией международных отношений и рудиментом однополярного миропорядка, для которого характерны двойные стандарты.

Стремление сохранить однополярность через санкции и гибридные войны в стратегической перспективе приведет к обратному результату, поскольку современный период характеризуется консолидацией альтернативных центров силы. Политическая активность стран Глобального Юга возросла, что привело к формированию антиколониального консенсуса. Ответная реакция стран, не согласных с политикой коллективного Запада, выражена в стратегиях БРИКС и ШОС. Эти объединения доказывают существование реальной альтернативы политике «мирового диктата». Институционализация многополярного мира происходит прямо сейчас. Создаются независимые финансовые механизмы и технологические платформы, формируются новые структуры безопасности и судебные инстанции. Эффективным видится создание механизмов принудительного исполнения международного права. Денонсация навязанных договоров аренды на основании коренного изменения обстоятельств, блокирующее законодательство против односторонних принудительных мер, специализированные судебные инстанции в рамках многосторонних объединений и инструменты финансового суверенитета образуют тот взаимодополняющий комплекс, который позволяет надежно защитить национальные интересы.

Мир объективно движется к формированию крупных макрорегиональных кластеров, каждый из которых будет обладать собственной финансовой системой и технологическими стандартами. Концепция равной и неделимой безопасности предлагает разумный выход из конфликтов, предполагающий возвращение к дипломатии и компромиссам. Необходимо признать ценность суверенитета и права каждого народа на собственный путь развития. От внешнего вмешательства они будут защищены собственными политико-юридическими, экономическими и — если потребуется — военными механизмами. В такой системе «зоны исключения» существовать попросту не смогут, поскольку превратятся в нежизнеспособные реликты прошлого. Региональные державы смогут эффективно купировать эти угрозы коллективными усилиями при наличии должной политической воли.

Поступила в редакцию / Received: 24.12.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 09.05.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Агамбен Дж. Homo Sacer: суверенная власть и голая жизнь. Москва : Европа, 2011.

Аласания К. Ю. Философская концепция биовласти: истоки и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 4. С. 70–77. EDN: XWOSTB

Бородаев В. А. Вмешательство США в дела Кубы в условиях подъема антиимпериалистической борьбы и победы революции. 1946–1959 годы // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 109–128. EDN: VJMHWN

Глазунова Е. Н. Гуантанамо: история с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 153–183. EDN: OOMNEH

Голофаст А. В. Пандемия в мировой философии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 250–258. EDN: PLXGCJ

Грибунов О. П., Степанова Е. Е. Понятие и сущность суверенитета государства в его историческом генезисе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3. С. 29–36. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-29-36; EDN: BAOBDO

Ильинская О. И. Доктринальные подходы к проблеме влияния коренного изменения обстоятельств на действие международных договоров // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1. С. 179–188. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.158.1.179-18; EDN: TYGPXI

Каракаев С. В. Участие Ракетных войск стратегического назначения в операции Вооруженных Сил СССР «Анадырь» // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 37–43. EDN: RARIOX

Карпиленя Н. В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства. Москва : Архонт, 2020. EDN: DWJAGP

Каширина Т. В. Факторы трансформации современной системы международных отношений // Обозреватель. 2020. № 8. С. 22–29. EDN: TXJBZW

Колосов В. А., Себенцов А. Б., Туров Н. Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 1. С. 23–51. https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-2; EDN: RWJOEW

Кудинов В. В., Микрикова С. А. Обеспечение безопасности государства как основание для совершения преступлений против человечности и нарушения прав человека (база Гуантанамо, США) // Военно-юридический журнал. 2023. № 6. С. 5–12. EDN: XLJFCW

Миронов В. В. «Стандарты цивилизаций» Г. Гонга и история международного общества // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 3. С. 355–367. https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.355-367; EDN: ZSUEGB

Неклесса А. И. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1997. № 2. С. 35–50.

Окунев И. Ю., Шестакова М. Н. Политическая география: современная российская школа : хрестоматия. Москва : Аспект Пресс, 2022. EDN: NVUUSI

Панкратов С. А., Клиньшанс Е. В. Россия в современной архитектуре международных отношений: прогнозные сценарии и границы допустимой реструктуризации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 226–238. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.20; EDN: SGAZLN

Попов Д. В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 91–99. EDN: RVWXSV

Радкевич К. В., Шабага А. В. Оппозиция «Запад — Незапад» в социальной мысли: pro et contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 20–32. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-20-32; EDN: DXMKHX

Ромашев Ю. С. Иерархия норм международного права при их применении и в нормотворческом процессе // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. С. 180–211. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.3.180.211; EDN: QGIYIY

Себенцов А. Б., Колосов В. А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 31–46. EDN: OVXKFV

Терентьева Л. В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 160–180. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.3.160.180; EDN: GJFPOL

Фурсов А. И. Терроризм или всемирная война? // Русский исторический журнал. 1999. Т. II, № 2. С. 193–231.

Черняк Л. Ю. Основные теории государственного суверенитета // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 15–17. EDN: JXCXON

Шабага А. В. Методология исследования международных отношений: реализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 24–33. EDN: VIOIAD

Януш О. Б., Мухарямов Н. М. Концепты суверенности в семантической деривации // Политическая наука. 2025. № 2. С. 41–61. https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.02; EDN: KITNFC

Agamben G. State of Exception. Chicago : University of Chicago Press, 2004.

Birdsall A. But We Don't Call It "Torture"! Norm Contestation During the US 'War on Terror' // International Politics. 2016. Vol. 53, iss. 2. P. 176–197. https://doi.org/10.1057/ip.2015.42; EDN: EMXQZC

Borgen C. J. National Security's International Empire (or, What We Talk about When We Won't Talk about Self-Determination) // Temple International & Comparative Law Journal. 2024. Vol. 38, no. 2. P. 65–78. URL: https://sites.temple.edu/ticlj/files/2025/05/7-Borgen_65-78-proof-with-final-edits-final.pdf (accessed: 18.12.2025).

Botchway C. A. The Need for Executive Federalism in Federal-Provincial Relations: The Canadian Example // Journal of Public Administration and Policy Research. 2017. Vol. 9, no. 5. P. 68–75. https://doi.org/10.5897/JPAPR2017.0390

Cantor D., Tan N. F., Gkliati M., Mavropoulou E., Allinson K. et al. Externalisation, Access to Territorial Asylum, and International Law // International Journal of Refugee Law. 2022. Vol. 34, iss. 1. P. 120–156. https://doi.org/10.1093/ijrl/eeac023; EDN: CPENCV

Chowdhury T. 'Executive Robbery': UK Public Law, Race, and 'Regimes of Dispossession' in the Chagos Archipelago // Journal of Law and Society. 2024. Vol. 51, iss. 1. P. 57–81. https://doi.org/10.1111/jols.12454; EDN: VMYFMO

Foucault M. Society Must Be Defended : Lectures at the Collège de France, 1975–1976 / ed. by A. Fontana, M. Bertani. London : Penguin Books, 2004.

Foucault M. The Birth of Biopolitics : Lectures at the Collège de France, 1978–1979 / ed. by M. Senellart, F. Ewald, A. Fontana. London : Palgrave Macmillan, 2008. https://doi.org/10.1057/9780230594180

Garcia H. An Enslaved Black Seaman in Victorian London? Abolitionism, Missionary Care, and the Trials of John Bardoe // Cultural and Social History. 2025. Vol. 22, iss. 4. P. 467–483. https://doi.org/10.1080/14780038.2025.2562606; EDN: ZHISEW

Kruschke P. The Panama Canal, Cocaine, and Communism: An Analysis on the Timing of the U.S. Action Against General Manuel Noriega // The Ascendant Historian. 2025. Vol. 4. P. 23–31. URL: https://journals.uvic.ca/index.php/corvette/article/view/22474 (accessed: 20.12.2025).

Kwiatkowska K. Manuel Noriega and His Impact on the Events in Panama from 1981 to 1989 // Ameryka Łacińska. Kwartalnik Analityczno-Informacyjny. 2022. Vol. 30, no. 2. P. 25–48. https://doi.org/10.7311/20811152.2022.11 6.03; EDN: EKEXAN

Lamb R. D. Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens : Final Report of the Ungoverned Areas Project. College Park, MD : Center for International and Security Studies at Maryland, 2008. URL: https://spp.umd.edu/sites/default/files/2019-07/ugash_report_final.pdf (accessed: 20.12.2025).

Landis K. T. The Seizure of Noriega: A Challenge to the Ker—Frisbie Doctrine // American University International Law Review. 1991. Vol. 6, no. 4. P. 571–607. URL: https://digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?httpsredir=1&article=1568&context=auilr (accessed: 12.12.2025).

MacDonald S. B. The New "Bad Guys": Exploring the Parameters of the Violent New World Order // Gray Area Phenomena : Confronting the New World Disorder / ed. by M. G. Manwaring. Boulder, CO : Westview Press, 1993. P. 33–60.

Mathias C. General Manuel Noriega and the Application of the Geneva Conventions in US Courts // UC Davis Law Review Online. 2023. Vol. 57. P. 93–112.

Mbembe A. Necropolitics // Public Culture. 2003. Vol. 15, no. 1. P. 11–40. URL: https://mirror.explodie.org/Public%20Culture-2003-Mbembe-11-40.pdf (accessed: 12.12.2025).

Morgenthau H. J. Politics Among Nations : The Struggle for Power and Peace. 2nd printing. New York : Alfred A. Knopf, 1949.

Motluk K. The Imagined Island: Colonialism and Constructed Remoteness on Diego Garcia // The Geographical Journal. 2024. Vol. 190, iss. 4. Art. e12587. https://doi.org/10.1111/geoj.12587; EDN: YULCWW

Raufer X. New World Disorder, New Terrorisms: New Threats for Europe and the Western World // Terrorism and Political Violence. 1999. Vol. 11, iss. 4. P. 30–51. https://doi.org/10.1080/09546559908427530

Rietveld G., van Wijk J., Bolhuis M. P. Who Wants "the Worst of the Worst"? Rationales for and Consequences of Third-Country Resettlement of Guantanamo Bay Detainees // Crime, Law and Social Change. 2021. Vol. 76, no. 1. P. 35–83. https://doi.org/10.1007/s10611-020-09932-z; EDN: IEOVYM

Sanders R. Human Rights Abuses at the Limits of the Law: Legal Instabilities and Vulnerabilities in the "Global War on Terror" // Review of International Studies. 2018. Vol. 44, iss. 1. P. 2–23. https://doi.org/10.1017/S0260210517000377

Sawycky B. S. International Relations Theory and US Foreign Policy // The Ashgate Research Companion to US Foreign Policy / ed. by R. J. Pauly, Jr. London : Routledge, 2016. P. 65–84.

Schetter C. Ungoverned Territories: The Construction of Spaces of Risk in the 'War on Terrorism' // The Spatial Dimension of Risk : How Geography Shapes the Emergence of Riskscapes / ed. by D. Muller-Mahn. London : Routledge, 2012. P. 135–148.

Strauss M. J. Guantanamo Bay and the Evolution of International Leases and Servitudes // The City University of New York Law Review. 2007. Vol. 10, iss. 2. P. 479–509. URL: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1210&context=clr (accessed: 10.12.2025).

Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, MA : Addison-Wesley, 1979.

Whelan T. Africa's Ungoverned Space // Nação e Defesa: Instituto de Defesa Nacional. 2006. No. 114. 3rd series. P. 61–73. URL: https://www.idn.gov.pt/pt/publicacoes/nacao/Documents/NeD114/NeD114.pdf (accessed: 10.12.2025).

Сведения об авторах:

Кузнецова Ольга Алексеевна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 8755-2997; ORCID: 0000-0003-1066-3783; e-mail: kuznetsova-ola@rudn.ru

Холоимова Александра Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 9897-7556; ORCID: 0000-0003-4029-8502; e-mail: vasilenko-as@rudn.ru

Клебанов Лев Романович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 8500-6094; ORCID: 0000-0002-1452-9568; e-mail: klebanov-lv@rudn.ru

Маджумаев Мурад Мамедович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 2278-5843; ORCID: 0000-0003-3332-2850; e-mail: madzhumaev-mm@rudn.ru